

Спасенная любовь

Автор:

Кэтти Уильямс

Спасенная любовь

Кэтти Уильямс

Поцелуй – Harlequin #184

Спасая незнакомого красавца, тонущего в бушующем море. Корделия не подозревала, что круто изменит свою судьбу. Она влюбилась в этого парня, да и он был очарован безыскусной красотой, силой и смелостью своей спасительницы. Страстный роман продлился недолго, Лука предупредил, что между ними не может быть долгих отношений. Через три недели он улетел в Италию, а Корделия вскоре узнала, что беременна. Она решила сообщить возлюбленному о том, что он станет отцом. Но в Италии ее ждал сюрприз: Лука сказочно богат и помолвлен...

Кэти Уильямс

Спасенная любовь

Глава 1

– Где я нахожусь?

Корделия обернулась и посмотрела на мужчину, лежащего на кровати. За предыдущие три дня он не сказал ни слова. То засыпал, то просыпался, как и предсказывал доктор Гринуэй.

– Давайте ему больше жидкости, – посоветовал доктор, – а так у него нет ничего страшного. Персонал больницы не сделает для него больше, чем сможете сделать вы. Даже меньше, пожалуй. Тем более при недостатке сотрудников и закрытой на ремонт половине помещений. К тому же он силен как бык, раз все это вытерпел.

Поэтому Корделия устроила его в одной из свободных спален в доме, который делила с отцом, и вместе они по очереди присматривали за ним. Два раза в день приходил врач, чтобы убедиться, нет ли внезапного ухудшения.

Мужчину будили, чтобы напоить, и за последние двадцать четыре часа сумели втолкнуть в него немного еды. Отец Корделии проводил его в ванную и переодел во что-то из своей одежды.

Их подопечный делал успехи, но полностью в себя не приходил. До этого момента.

Она смотрела на него, и сердце билось все быстрее.

Лука. Так звали этого мужчину. Лука Барези. Корделия знала это, потому что нашла бумажник в его брюках. Должна же она была уведомить семью этого человека о несчастном случае. Но его личность – это все, что она смогла установить. Видит бог, он так долго пробыл в волнах, что вода забрала его мобильный телефон, если таковой у него был.

– Ну так что?

Корделия моргнула и подошла к нему. Он приподнялся на подушке, опираясь на руки, и смотрел на нее, вопросительно прищурив глаза.

Одно дело – любоваться поразительной красотой этого человека, когда он пребывал между сном и явью, и совсем другое – оказаться под пронзительным взглядом потрясающих зеленых глаз.

– Ты в доме моего отца.

Корделия робко присела в изножье кровати.

«Глаза зеленые, как океан, залитый солнцем», – подумала она рассеянно и подивилась бронзовому цвету лица мужчины, определенно не жителя корнуоллских берегов. Даже знакомые местные парни и рыбаки вроде ее отца, бледноваты по сравнению с ним.

– Что я делаю в доме твоего отца и почему на мне эта одежда?

– Неужели ты ничего не помнишь?

– Помню, что был в своей лодке, – нахмурился он. – Светило солнце, и вдруг в одну минуту небо почернело.

Корделия сочувственно кивала, думая о том, до чего глубокий и насыщенный у него голос, как самый темный шоколад.

– Вот тебе и погода, – пробормотала она. – Казалось бы, лето, но шторм может прилететь ниоткуда.

Она посмотрела на его руку. Лука, нахмурившись, массировал ключицу, пытаясь собраться с мыслями.

До чего же хорош собой, подумала Корделия. Темные-темные волосы, оливковая кожа и черты лица, от которых захватывает дух. Само совершенство.

А может, все дело в том, что в свои двадцать четыре года она застряла здесь, и ее жизнь столь же предсказуема, как восход и заход солнца, а потому так впечатлилась кем-то, хотя бы наполовину приличным.

Нет, этот парень было далеко не наполовину приличный. Наполовину приличным был Барри, парень, с которым она встречалась восемь месяцев, прежде чем, наконец, призналась себе, что единственная цель, которую он имел, – затащить ее в постель.

Вся романтика – изредка букетик цветов, иногда кино. Местный паб был вершиной его изобретательности, когда дело касалось ухаживания за ней.

- Очевидно, именно это и случилось с тобой, - сказала она.

Его пристальный взгляд волновал Корделию.

- Три дня назад, - отозвался Лука.

- Ты должен был узнать прогноз погоды, прежде чем решил заняться парусным спортом. Большинство местных так и делают. Они знают, до чего непредсказуема у нас погода, но ты ведь не здешний?

- Что ты здесь делаешь?

- Прошу прощения?

- Ты медсестра?

- Нет, с чего вдруг... А, полагаю, ты удивлен, почему находишься здесь, а не в больнице? Доктор Гринуэй так решил. Местная больница совсем крошечная, а до ближайшей клиники далеко. Он сказал, что ты скоро поправишься, после того, как я тебя нашла.

- Ты нашла меня?

- Случайно выглянула из окна своей спальни. Твоя лодка была всего лишь пятнышком в бушующем штормовом море.

- И в этот момент ты...

- Папы не было рядом, - резко сказала она. - Но я так же уверенно чувствую себя на воде.

Корделия увидела, как его брови вопросительно взлетели вверх.

Она ничего не знала об этом человеке, но его уверенность в себе невозможно было скрыть, и даже в потрепанной одежде отца он не производил впечатления мужчины, испытывающего недостаток в женском обществе.

– И ты справилась?

Корделия пожала плечами.

– Я получила капитанскую лицензию в восемнадцать, и у меня есть все необходимые навыки. Я знаю все, что нужно, о выживании в море и умею оказывать первую помощь.

– Значит, тебе пришлось спасать меня, потому что я был настолько глуп, что сел за штурвал моей лодки, не узнав предварительно прогноз погоды. И что было дальше?

– Я взяла самую быстроходную и надежную лодку из имеющихся у моего отца. Мне и в голову не пришло попросить кого-нибудь о помощи. Я знала, что, если кто-то был на лодке в штормовом море и попал в беду, значит, помощь должна последовать немедленно.

– Я упустил случай поблагодарить тебя. Помню, как брал лодку, помню, как налетел шторм, но после этого...

– Ты был в воде, уцепившись за борт в полубессознательном состоянии.

– И все же тебе удалось затащить меня в свою лодку.

Корделия подумала обо всех этих изящных пустышках, одной из которых ей всегда хотелось быть. Хрупкой и нежной, привлекающей внимание мальчиков. Но она совсем другая. Крепкая и жилистая, способная плавать как рыба.

– Ты еще не совсем выбился из сил, – пробормотала она. – Достаточно было немного помочь. Возвращение оказалось гораздо большей проблемой из-за шторма. Волны были такие огромные, что могли унести нас обоих.

– Но ты так и не ответила на мой вопрос. Почему ты здесь?

Корделия озадаченно нахмурилась:

– Я же сказала, что живу здесь с моим отцом, помогаю ему вести дела. У него восемь лодок. Он ловит рыбу, а также имеет арендный бизнес.

– Непростая жизнь для молодой девушки.

Зеленые глаза были полны любопытства.

Теперь Корделия поняла, к чему он клонит.

Почему она здесь? Он имеет в виду, почему остается здесь, вместо того чтобы жить где-нибудь в городе? С бойфрендом и головокружительными вечеринками в клубах. Занимаясь всем тем, что делали девушки ее возраста.

Почти все друзья Корделии куда-то исчезли. Одни создали семьи и даже обзавелись детьми. Другие помотались по миру и решили вернуться в деревню, осесть, потому что им здесь нравилось. И перед ней открывалась подобная перспектива, но внешний мир был таким огромным и полным возможностей! Возможностей, которые ей никогда не представится случай реализовать.

Корделия предпочла принять его замечание за чистую монету, потому что ее жизнь и в самом деле была никчемной, однако он не должен знать, что задел за живое.

– Море может быть очень коварным, может – очень полезным.

Ее слова были встречены кратким и красноречивым молчанием.

– Я должен представиться, – сказал он.

– В этом нет необходимости. Я знаю, кто ты.

– Ты знаешь, кто я?..

Корделия заметила, как он напрягся, лицо стало непроницаемым, словно застыло. Она понятия не имела, что происходит в его голове, но, чтобы рассеять внезапное напряжение, улыбнулась.

– Лука. Лука Барези. Мне очень неловко, но, когда привезла тебя сюда, решила, что должна посмотреть, не смогу ли найти хоть что-нибудь способное установить твою личность, чтобы сообщить близким.

– Ты рылась в моих вещах!

– Мне пришлось, – поспешила оправдаться Корделия. – Поверь мне, это было последнее, что я хотела сделать, но вряд ли ты сказал бы мне спасибо, придя в себя и обнаружив, что никто даже не потрудился попробовать узнать, кто ты! Я могу принести телефон, чтобы ты позвонил своей... семье. Они, должно быть, ужасно о тебе беспокоятся. Где ты живешь?

– Я не здешний. Корделия задумчиво кивнула.

– Многие приезжают сюда из Лондона в летние месяцы, некоторые, те, кому невыносимо находиться слишком далеко от гастронабов и модных ресторанов, имеют здесь вторые дома.

– Тебе это не нравится?

– Мне все равно, – честно призналась она. – Туризм – это здорово, особенно когда дело касается аренды лодок, но я, пожалуй, единственный здесь человек, который так думает. Если ты живешь достаточно близко, осмелюсь предложить, чтобы мой отец отвез тебя к жене и детям.

– Жена и дети? С чего ты взяла, что я женат?

– Я... – Сердце Корделии затрепетало, и она почувствовала, как жаркий румянец обжег ее щеки. – Я просто предположила...

– А ты замужем?

– Нет.

– Как ни странно, я бы подумал, что замужем.

– Почему?

Ее кожу покалывало. Взгляд был прикован к нему, но внутри все холодело от мысли, что он может принять ее за деревенщину, сбитую с толку его чрезмерной привлекательностью.

Поэтому Корделия посмотрела мимо него на вид за окном, на клубящиеся облака, бледно-серое небо и морозящий дождь, не прекращающийся с тех пор, как она спасла Луку из бурных вод.

Лето словно ушло на время, и она понятия не имела, когда оно собирается вернуться.

- Ты молода, - сказал он. - Ты привлекательна. Как же так получилось, что тебя не подцепил какой-нибудь завидный местный холостяк? Может быть, ты только что вернулась домой после университета?

- Не у всех была возможность поступить в университет, мистер Барези.

Ее голос стал на несколько градусов холоднее.

У нее были планы и были мечты, но судьба встала на пути к их осуществлению. Корделия часто задавалась вопросом, сложилось бы все по-другому, если бы ее мать не погибла, когда она была ребенком, сбита мчащейся машиной, в одну из редких поездок в Лондон, куда отправилась, чтобы пройтись по магазинам. Ее отец с тех пор стал параноиком и не отпускал дочь одну даже в безопасной деревне. Он ждал ее у окна, когда в десять лет она вышла из дому с родителями одной из подруг. Школьные прогулки становились настоящим кошмаром. Поездка на лыжах в четырнадцать лет стала из ряда вон выходящим событием. Отец разрешил, но Корделия увидела ужас в его глазах и сама отказалась от этой возможности. Она научилась поддерживать его и, поступая так, продолжала нести на себе их общую боль. Страхи отца были постоянным напоминанием об их потере.

Даже при всем этом университет манил ее, и она чувствовала, что должна была поступить туда ради них обоих. Когда ей исполнилось семнадцать, ее приняли сразу.

Университет в Эксетере, который, как она уверяла отца, был лишь первой ступенью к удачному будущему. Но все планы разрушила смерть ее брата-близнеца.

Алекс стал ее опорой, когда после гибели матери их жизнь изменилась.

Он поддерживал ее, ободрял и придавал сил, потому что страхи отца, казалось, всегда вращались вокруг нее. Алекс, как предполагалось, мог сам о себе позаботиться.

Алекс и не мечтал поступить в университет. Он всегда планировал взять на себя семейный бизнес. Рыбалка была у него в крови. Но этому не суждено было случиться, а когда он умер, все мечты Корделии рухнули, и она смирилась. Сама занялась тем, на чем остановился ее брат. Были времена, когда Корделия чувствовала себя так, словно одна потеря за другой наваливались на нее тяжким грузом. Беззаботные радости жизни, молодости никогда не были ей доступны.

Не проходило и дня, чтобы Корделия не думала о будущем, которое рассыпалось в прах еще до того, как успело начаться, но она справилась с собой, занялась семейным делом и показала себя исключительным моряком. Море стало ее убежищем. Она обретала там покой и могла позволить своим мыслям плыть по течению, гадая, каково это – увидеть мир. Она умела плавать как рыба, и плавание всегда было чудесным побегом от реальности.

Что подумает этот смуглый незнакомец, если она доверится ему? – подумалось ей.

– Захомутировать подходящего местного парня никогда не было моей целью, – поспешно возразила она.

Лука медленно улыбнулся, и от этой улыбки по телу Корделии пробежали мурашки, воспаляя все на своем пути. Нервы натянулись до дрожи, внезапно запульсировало между ног, и эта мгновенная чувственная реакция потрясла ее до глубины души.

Глаза расширились, мысли покинули голову, и она несколько секунд в панике смотрела на Луку, совершенно ослепленная внезапным порывом. Переживая

ощущения, не похожие ни на что из испытанного раньше.

Он подтянулся на кровати повыше, и Корделия осознала широту его плеч и физическую силу тела, которую, может быть, подсознательно замечала и раньше, но не реагировала так, как сейчас. Она соскользнула с кровати и впервые за всю свою жизнь остро осознала, как выглядит.

Выцветшие джинсы, растянутый серый джемпер, длинные, до пояса, светлые волосы, собранные в кособокий конский хвост. Как всегда, она была без макияжа и такая же загорелая, какой всегда становилась под летним солнцем, достаточно горячим, чтобы обжечь. Она была босиком, как повелось с тех пор, когда ходила в школу.

Корделия машинально спрятала руки за спину. Это были натруженные руки, привыкшие к лодкам, канатам и морю.

– Куда это ты собралась?

– У меня много дел. Работа. Я пришла сюда только для того, чтобы посмотреть, как ты тут, и освежить воду в стакане.

– Ты упомянула телефон.

– А... что?

Корделия попятилась к двери, недоумевая, зачем это делает. Была сама не своя, хотя на самом деле никогда не нервничала в обществе представителей противоположного пола.

– В отсутствие моего мобильного телефона мне придется воспользоваться вашим стационарным. Нужно позвонить отцу.

Корделия моргнула.

– Мне очень жаль, что я не смогла найти никаких контактных номеров в бумажнике, – торопливо сказала она. – Должно быть, это похоже на вторжение в личную жизнь, но я только хотела узнать, кто ты и с кем можно связаться, чтобы

сообщить о несчастном случае на лодке. Твой отец, должно быть, очень волнуется.

– Моя жизнь не совсем так устроена. Несколько долгих секунд они молча смотрели друг на друга.

Девушка просто потрясающая, рассеянно подумал Лука. Было почти невозможно поверить в то, что она, казалось, не замечала этого.

Она была высокой и спортивной, а тело у нее, насколько он мог видеть, сильное и великолепно сложенное. Это должно было отпугнуть, потому что обычно его тянуло к хрупким, суперженственным особам, но все было не так. Ее ноги, обтянутые выцветшими джинсами, были длинными, прекрасной формы, а просторный серый джемпер не скрывал округлости ее полной груди. Никогда еще он не встречал женщины, столь успешно умеющей скрывать каждую женскую черту, которой обладала.

Она поступает так намеренно, подумал Лука, или полиция моды патрулирует деревенские улицы, пресекая все, что не считается функциональным?

Его взгляд скользнул по ее овальному лицу. Полные губы, прямой аккуратный нос и глаза, редкого оттенка синего, каких он никогда не видел раньше.

Но ее волосы...

Лука подумал об ухоженных, утонченных женщинах, которые порхали по его жизни. Эта совсем другая, и ее волосы говорили все. Она стянула их в конский хвост, который, казалось, никак не мог решить, в какую сторону ему падать, но цвета были настолько яркими, что не отвести глаз. Все оттенки блонда, от холодных платиновых до насыщенных медовых и карамельных. Следствие жизни, проведенной на открытом воздухе, предположил он, чем бы она там ни занималась в море – рыбалкой или спасением идиотов, которые вышли на лодках, не узнав прежде прогноза погоды.

Он пресек своевольные мысли, которые внезапно пронеслись в его голове.

Мысли о том, как она будет выглядеть без одежды, каково будет чувствовать это тело под его исследующими руками.

Такая возможность по множеству причин была решительно исключена.

- Естественно, я заплачу за телефонный звонок.

- Зачем ты так? – удивленно спросила Корделия. Неужели он думает, что они хотели от него денег? – Мы не из тех людей, которым придет в голову брать плату за использование телефона, – холодно сказала она. – Может, я и спасла тебя, но привела сюда не за тем, чтобы заработать.

- Звонок будет в Италию, – сухо пояснил Лука.

- В Италию?

Так он итальянец! Она должна была сама догадаться по одному только имени. Деревня в разгар летнего сезона буквально захвачена туристами. Но иностранцев было мало, и надо же случиться, чтобы этот поразительный итальянец лежал на кровати в доме отца. Она почувствовала волнение. Италия! Вкус этого слова на ее языке был приятен.

- Это место, где я живу.

Лука внимательно наблюдал за ней из-под ресниц, пытаясь понять, не возникло ли у нее аналогий. В Италии его имя быстро бы узнали. Да и в этой стране многие слышали имя Барези, хотя бы в связи с вином. О доме Барези ходили легенды, как и об огромном богатстве их аристократического рода. Лука Барези проживал свою жизнь в лучах славы благородного происхождения. Круг его общения был огромен, но ограничен линией, которую простым смертным редко позволялось переходить. Так сложилось, и, если у него появлялось желание вырваться из этого круга, он пресекал его, помня о своих обязанностях.

Его друзья, члены его большой семьи – все они были столь же привилегированными, как и он. Насколько ему было известно, единственным простолудином, пробившимся сквозь эти несокрушимые барьеры, была его мать, и эта история вряд ли имела счастливый конец. Мысли об этом он безжалостно

подавлял всякий раз, когда им случалось незвано появиться.

- Тоскана, - продолжил он. - Ты там бывала?

- Я не часто покидаю Корнуолл, - призналась Корделия и поморщилась, увидев его недоверчивую улыбку.

Лука потянулся, одним быстрым движением откинул покрывало и свесил ноги с кровати.

- Мне нужно двигаться, - бросил он через плечо, направляясь к платяному шкафу - единственному месту, где могла быть его одежда.

Корделия молча кивнула, словно прикованная к нему взглядом. Первое время Лука повисал на руках ее отца, пока шел в ванную, но постепенно силы возвращались к нему, хотя он все еще двигался медленно, неуверенно. Однако было очевидно, что он уже на пути к восстановлению, и сейчас его движения были уверенными и пленительно грациозными.

Корделия почувствовала, что челюсть у нее отвисла и, пожалуй, упала бы на землю, когда он, стоя спиной к ней, стал раздеваться без малейшего намека на смущение.

Она отвела взгляд. Во рту у нее пересохло, и она почувствовала, как румянец залил ее лицо.

- Теперь можешь посмотреть. - В его голосе слышалось веселье.

Корделия медленно подняла глаза. Ее щеки все еще оставались розовыми от смущения.

Лука никогда не встречал ничего подобного. В его жизни не было женщины, которая при виде его полуобнаженного тела вела себя так, словно земля окажет ей услугу, если разверзнется и поглотит ее. Он не мог справиться с всплеском любопытства. Такая красавица, могла ли она быть столь же невинной, какой выглядела? И никогда не покидать этого места?

– Сколько тебе лет? – неожиданно спросил он.

– Двадцать четыре. А в чем дело?

Лука пожал плечами.

– Ты сказала, что редко уезжаешь отсюда?

– Это прекрасная часть света. Ты удивишься, сколько людей, живущих у моря, не хотят далеко уходить от него.

Но только не она. И все-таки Корделия чувствовала себя обязанной защищаться от его любопытства.

Лука пропустил ее ответ мимо ушей. У него не сохранилось воспоминаний о том, как его привели в дом. Он взглянул в окно спальни, и то, что там увидел, было безграничным пространством серой воды, лентой обсаженной по обочине зеленью дороги, в настоящее время пустынной, полого уходящей вниз к берегу океана. Все было окутано тонкой стойкой моросью – следствие шторма, опрокинувшего его лодку.

Затем он обвел взглядом комнату.

Лука редко обращал внимание на окружающую обстановку, по крайней мере в особняке, в котором жил, или в любом другом дорогом доме, которым владел. Не обращал он особого внимания и на дома, в которых жили его отец, друзья или родственники. Все приблизительно одинаково добротны. Одни несколько больше, другие несколько богаче. Таунхаусы и квартиры, любезно предоставленные богатыми родителями. Такова была его жизнь.

Комната, в которой он сейчас стоял, была далеко не богатой. Просторная, с деревянным полом, потертый персидский ковер на котором был призван добавить немного роскоши. Мебель старая, но отполированная до блеска. Стенам не повредила бы свежая краска. Но кровать была невероятно удобной, и он должен был признать, что в этом есть своя прелесть.

Соблазнительно уютная комната, несмотря на отсутствие дорогой мебели.

– Покажешь мне все? – услышал он свой вопрос. – Мне нужно размять ноги. Такое чувство, что я слишком долго был заперт в тесном пространстве.

– А как насчет телефонного звонка?

Зеленые глаза встретились с синими, и Лука улыбнулся, потому что не часто бывало, чтобы он находился в обществе женщины, которая не знала ему цены. Это дарило странную свободу. Он мог оставаться самим собой. Он больше не был тем человеком, полным решимости продвигать значительный семейный бизнес, который он теперь развивал, оттачив от края, где тот оказался благодаря отцу. И не был завидным женихом, который не мог войти в комнату, не будучи помеченным, как мишень для благовоспитанных женщин, мечтающих о замужестве. Его выбросило из моря в никуда, он стал человеком без прошлого и будущего, predetermined судьбой.

Лука не был вполне уверен, каким окажется, лишенный всех атрибутов, которые обычно его окружали, но был готов попробовать разобраться в ситуации.

Особенно в компании женщины, которая выглядела так, как эта.

Он почувствовал внезапное напряжение в паху и с трудом подавил желание застонать вслух.

– Как я уже сказал, – пробормотал Лука, – никто не обратится в полицию, чтобы узнать о случившемся со мной, и не станет высылать поисковую группу.

Он сообщил отцу, что возьмет тайм-аут на несколько дней. На сколько именно, не уточнил, так что отец не имел ни малейшего представления о том, когда ждать его возвращения. Что же касается остального мира...

Что ему до их всех? Он был единственным ребенком в семье, потому делал все, что ему заблагорассудится, без оглядки на кого-либо. Он никогда не верил в ценность командной работы. Единственным человеком, на которого Лука когда-либо полагался, был он сам. Все складывалось прекрасно, и только теперь его поразила какая-то странная неуверенность... Сомнение, так ли уж хороша полная независимость?

Он нетерпеливо мотнул головой.

– Проведи меня по дому, – хрипло сказал он, предвкушая возможность на короткое время погрузиться в жизнь, которая была далека от его собственной.

– Только при условии, – ответила снедаемая любопытством Корделия, – если расскажешь мне о своей жизни в Италии.

Лука расслабился. Он мог бы многое поведать ей о своей родине.

О холмистом великолепии Тосканы, о красоте Альп и величии Апеннин и чудесном климате, идеальном для выращивания самого лучшего винограда, из которого производится самое лучшее в стране вино. Он мог бы рассказать ей о деревне, окружающей его поместье, и людях, которые там жили, в большинстве своем нанятых в том или ином качестве его семьей.

Естественно, ему придется информацию подкорректировать, потому что он не собирался многого ей рассказывать, начиная с правды о своей личности и положении, которое занимал в регионе.

Корделия вышла из спальни на широкую лестничную площадку, жестом указала на другие комнаты на этаже, прежде чем отправиться вниз по деревянной лестнице в другие части дома.

Следуя за ней, Лука едва обращал внимание на окружающее пространство, в основном смотрел на Корделию, восхищаясь ее пружинистой походкой, легкостью, с которой она сбегала по лестнице.

Ему было интересно, как выглядят ее волосы, если их распустить. Самые длинные волосы, какие он когда-либо видел.

Они добрались до вымощенного черно-белыми плитами холла, и Корделия резко обернулась, чтобы посмотреть на него. Ее глаза блестели, а лицо было открыто и доверчиво.

Лука моргнул, чтобы избавиться от странной боли, которая возникла внутри его.

– Я расскажу тебе все, что ты захочешь знать о моей стране, – сказал он, – но при условии, что ты скажешь мне, почему не уберешься отсюда. Или я неправильно истолковал сказанное раньше?

– Нет, и это справедливо. – Она нерешительно улыбнулась и перекинула через плечо конский хвост, чтобы рассеянно поиграть с ним, пропуская золотистые пряди волос между пальцами. Ей хотелось задать так много вопросов, что она не знала, с чего начать.

И она могла бы рассказать ему о себе, а почему бы и нет? Ее отец вернется только через несколько часов. Он уехал на рыбалку. А этот человек, неожиданно ворвавшийся в ее маленький, предсказуемый мир, был неотразим. Что плохого в том, чтобы поговорить с ним? Она так давно ни с кем не откровенничала, с тех пор как ушел ее брат. Навсегда.

Столько лет просто делала то, что должна была делать, не суетясь, держа свое одиночество при себе. Почему бы не открыться сейчас этому незнакомцу?

Глава 2

Лука не звонил ни отцу, ни кому-либо еще в течение трех дней. А когда наконец это сделал, сообщил, что решил продлить отпуск. Его не будет по меньшей мере еще неделю.

Отец был немного удивлен, но горячо поддержал сына.

– Отдыхай столько времени, сколько хочешь, Лука, – сказал он. – Ты работаешь слишком много. Тебе тридцать четыре года, и следует больше отдыхать, иначе не успеешь оглянуться, как у тебя случится сердечный приступ. Стресс убивает. Эти виноградины продолжат расти и оборудование продолжит работать, пока ты не решишь возвратиться.

Его отец был в основном равнодушен к делам. Он передал бразды правления разросшейся семейной империей сыну и посвятил свою жизнь женитьбам и разводам с неподходящими женщинами. Четырьмя, по последним подсчетам,

хотя, к счастью, на этом фронте последние два года все было спокойно.

Лука понимал, что это ненадолго. Он любил отца, но слишком хорошо его знал, чтобы справедливо считать отсутствие у того неподходящих связей краткой передышкой, после которой все пойдет по-старому.

Он взглянул на часы. Потом на вид, открывающийся перед ним из кафе на набережной, где он сидел, поджидая Корделию.

Зрелище было живописным. Голубая вода, лодки, покачивающиеся на легких волнах, люди, неторопливо пересекающие дорогу, не опасаясь угодить под проезжающую машину.

Это было очень далеко от модного приморского поселка, где его дом стоял в престижном месте на холме с видом на пристань, усеянную дорогими яхтами и прогулочными катерами, принадлежавшими преуспевающим людям, которые стекались в рестораны, отмеченные звездами «Мишлен», шикарные пабы и причудливые чайные. Тот особняк был последним связующим звеном с его матерью, дорогим подарком его отца, сделанным давным-давно, когда он надел ей на руку обручальное кольцо и привел к дому в том самом месте, где она выросла и могла поддерживать связь со своими друзьями и немногочисленной семьей, которую покинула. Его старик уже тогда все делал со вкусом.

Этот дом соединил для Луки любовь и потерю, вплетенные во все происходящее в его жизни, и, когда решил взять тайм-аут, сбежал к нему, предназначенному именно для такого случая. Своевременное напоминание о том, что не бывает любви без потерь.

Он прогнал бессмысленные думы.

Как сказала ему Корделия, когда показывала окрестности несколько дней назад, это была рабочая рыбацкая деревня. Забрехали сюда летом и случайные туристы в поисках более аутентичного корнуоллского опыта, но преобладали местные жители, большинство из которых были в той или иной степени вовлечены в рыболовный бизнес.

Что же касается Корделии, то Лука обнаружил, что она обладала многими талантами. Большую часть времени проводила, помогая отцу управлять его

маленьким бизнесом.

Занималась бумагами, а летом присматривала за арендой двух из его лодок дальше по побережью, у одного из самых популярных приморских городков.

Жизнь ее текла размеренно.

– Папа зависит от меня, – сказала она ему. – Я не хожу с ним на траулере, но почти все остальное делаю. Конечно, при необходимости сумею помочь ему и в море, если кто-то из парней уйдет, но лучше мне оставаться на берегу. Отец безнадобен, когда дело доходит до чего-либо связанного с заполнением форм или документов, и ничего не смыслит в компьютерах.

Лука увидел ее раньше, чем она его. Корделия была великолепна. Длинные ноги, грациозная походка, волосы, как всегда собранные сзади. Она излучала жизненную силу и здоровье.

Он удивлялся, как ему удалось держать руки при себе последние три дня, притом что нестерпимо хотелось прикоснуться к ней. Проведя весь день в одиночестве, он был буквально на грани, но и на этот раз не осмелился переступить черту. Присущая ей невинность держала его на расстоянии. Впервые в жизни он не представлял, как женщина среагирует, если он попытается к ней притронуться. Влепит пощечину? Вышвырнет его из дому? Бросится в его объятия и станет умолять о близости? Он понятия не имел, и неуверенность парализовывала.

Он помахал Корделии, когда она заметила его, и девушка улыбнулась в ответ.

На секунду Лука почувствовал укол вины. Он много рассказывал ей о своей стране, но дипломатично обходил детали.

То, что Лука околачивался на побережье, навело Корделию на мысль, что в данный момент у него нет работы, и он не разубедил ее в этом. Зачем? Он скоро уедет, и грех не использовать редкий шанс быть тем, кем он хотел быть.

– Я принесла нам еды для пикника. – Корделия поставила корзинку на стол.

Было жарко. Стоял прекрасный летний день. И это местечко выглядело совершенным в погожие дни, как никакое иное. Ярко-голубое небо, бирюзовая вода, свежий запах океана и мягкий плеск воды, бьющейся о борта рыбацких лодок.

Корделия прикрыла глаза от яркого света и посмотрела на него. Луке пришлось купить еще кое-что из одежды. На нем были шорты цвета хаки, мокасины и белая футболка. Он выглядел великолепно. Такой экзотичный, совсем из другого мира.

– И я внес свой вклад, хотя и скромный.

Лука протянул руку к тряпичной сумке, лежащей на земле, и Корделия, заглянув внутрь, увидела две бутылки пива и шампанское.

– Ух ты.

– Если ты собираешься что-то сделать, то не делай вполсилы.

– Но шампанское... Оно, должно быть, стоит целое состояние.

– Не в моих правилах беспокоиться о цене.

– Мне это нравится, – призналась она, когда они направились к тому месту, где их ждала лодка, стоявшая на якоре у самой пристани.

– Что же?

– То, что ты такой беззаботный, – сказала Корделия, скользя по нему взглядом и упиваясь гармоничной красотой его лица.

– Не думаю, что кто-то раньше называл меня беззаботным, – честно признался Лука. – По правде сказать, это не то определение, которое я когда-либо использовал бы для себя.

– А почему бы и нет? – Она взглянула на него, улыбнулась и стала готовить лодку.

Лука с восхищением наблюдал за спокойной деловитостью Корделии. На ней были обрезанные джинсы и полосатая футболка, под которой почти не удавалось разглядеть ее груди. Волосы она заплела в одну длинную косу, которая ниспадала по спине, отчего ее позвоночник напоминал веревку.

Она ловко отвязала канат от швартовочной тумбы.

– Ты пока здесь, – сказала она, удерживая лодку на плаву, и ловко запрыгнула на борт движением, отработанным до автоматизма. – Ты никуда не торопишься. Решил притормозить? Так много людей этого не делает, хотя, я думаю, напрасно. Так вот, если действительно собрался притормозить, то это идеальное место и идеальное время, учитывая, через что тебе пришлось пройти.

Корделия наблюдала, как Лука, так же как и она, уверенно шагнул на палубу. Когда он предложил плыть на лодке, она тут же согласилась, потому что доверяла его опыту, хотя это противоречило всему, на чем была воспитана.

– Все считают себя большими знатоками, когда дело касается лодок, – внушал отец и ей, и ее брату с самого детства. – Не доверяйте никому, у кого есть дроссель, руль, румпель или двигатель, если они не могут предъявить капитанскую лицензию. Это может оказаться смертельно опасным.

Корделия откинулась назад и подставила лицо солнцу, прикрыв глаза.

– Ты когда-нибудь сбавляешь темп? – пробормотал Лука, наслаждаясь скоростью лодки, рассекающей воду в бухте, но еще больше упиваясь близостью ее тела рядом с собой, согретой солнцем кожи на ее руках.

– Только когда выхожу в море, – ответила она, не открывая глаз. – И особенно если иду купаться ночью.

– Ночью... и ты не боишься?

– А с чего бы? Я знаю все, что нужно знать о приливах в здешних местах. Я бы никогда не решилась плавать, будь даже намек на течение, но, если вода спокойная, удивительное ощущение находится в ней, когда темно. Можно мечтать, думать о чем угодно...

Они причалили. Пустынные берега в том месте густо поросли кустарником и деревьями.

Песок был ослепительно-белым и теплым от солнца.

– О чем ты думаешь?

Корделия, не отрываясь, смотрела на Луку. Она чувствовала себя маленькой и слегка благоговела перед ним. Он был похож на яркую тропическую птицу. Но желание довериться ему никак не могло преодолеть сопротивление застенчивости.

– Да о разном. – Корделия пожала плечами и отвела взгляд, чтобы немного успокоиться.

Она выбрала место для пикника в тени одного из низко нависающих деревьев. А когда повернулась, увидела, что Лука снял с себя футболку и неподвижно стоял, повернувшись к ней спиной, и смотрел на горизонт.

Ее сердце забило быстрее. Он был на несколько дюймов выше ее и прекрасно, пропорционально сложен. Широкоплечий, с узкой талией, мускулистый. Лука спросил ее, о чем она думает, но сейчас ей хотелось заглянуть ему в голову, прочесть мысли. Его жизнь в Италии казалась идиллической.

– Виноградники, – сказал он ей, уходя от расспросов, словно работа на винограднике никак не могла показаться ей интересной. – Виноград... – Лука пожал плечами, когда она, затаив дыхание, попросила рассказать подробнее, – это почти все, что можно сказать о виноградниках. Виноград. Вы либо едите его, либо превращаете в вино. Я участвую в последнем процессе.

Она все еще бесстыдно тарасилась на его тело, когда он обернулся и спросил, ободряюще улыбаясь:

– Скажи мне, что не собираешься провести весь день в джинсах и футболке. Ты захватила купальник или собираешься плавать нагишом?

Корделия издала сдавленный звук и стала поспешно раздеваться, а когда избавилась от одежды, осталась в черном закрытом купальнике. Плавать нагишом? От одной этой мысли ее бросило в холодный пот.

– А, все-таки купальный костюм. Хорошо. Было бы грешно не попробовать воду.

Лука никогда не видел никого моложе восьмидесяти лет в таком пуританском купальнике, как тот, что был на Корделии, при этом он никогда прежде не испытывал такого жгучего желания прикоснуться к женщине. Ноги у нее были длинными и стройными, тело сильным и подтянутым, а кожа – золотистой.

Он отвел глаза, но в паху у него запульсировало. Будет неловко, если он продолжит давать волю чувствам.

Холодная вода никогда еще не выглядела такой привлекательной. Он снял шорты, остался в плавках, которые купил пару дней назад.

– Думаю, мне нужно искупаться, – проскрежетал он, растягивая губы в надежде изобразить расслабленную улыбку. – Очень жарко.

Он вошел в ледяную воду и, не оглядываясь, плыл в течение пяти минут, а когда посмотрел назад, обнаружил, что Корделия быстро сокращает расстояние между ними длинными, плавными гребками.

Она не лгала, когда говорила ему, что умеет плавать как рыба. И здесь, в океане, где синева уступила место черноте из-за большей глубины, пребывала в своей естественной стихии. Нерешительность и застенчивость, которая казалась неотъемлемой частью ее личности, исчезла.

– Ты хороший пловец, – заметила она, ложась на воду.

– Ты удивляешься, потому что считаешь меня слабаком, который по собственной глупости, садясь в лодку, полагается исключительно на то, что его спасет девица в сияющих доспехах?

– Что-то в этом роде.

Лука расхохотался и окинул ее оценивающим взглядом. У нее удивительного цвета глаза, подумал он, что-то среднее между темно-синим и ярко-бирюзовым, и темные для блондинки густые ресницы.

– Давай обратно наперегонки?

Корделия заметила на его лице то мимолетное выражение, которое и раньше ловила, когда он смотрел на нее. Что-то горячее и опасное, но она сказала себе, что это воображение сыграло с ней злую шутку. Ей не хватало искушенности в подобных играх, и она не позволяла себе даже попробовать. Проще притвориться, что все это ничего не значит. С чего бы это Луке увлечься такой женщиной, как она? Он так красив, так экзотичен, так неотразим, а она... деревенская девушка, которая вкалывает в рыбацком бизнесе. Виноградник против рыбалки. Даже если он просто собирал виноград или участвовал в его переработке, по ее мнению, он был невероятно гламурным.

Она не стала дожидаться его ответа, развернулась и поплыла обратно.

Лука не отставал, а потом прибавил скорости, так что достиг берега раньше ее.

Она смеялась, когда вышла из воды. Ее коса растрепалась, и она распустила ее. Волосы рассыпались по плечам и спине, достигая талии.

Лука почувствовал себя так, словно его ударили в живот, и поспешил отвернуться, чтобы открыть бутылку шампанского. Он отчаянно нуждался в выпивке. Жаль, что не догадался принести что-нибудь покрепче. Бутылка виски была бы кстати.

Он вынул пробку из бутылки шампанского, все еще остававшегося холодным, и протянул Корделии один из двух пластиковых стаканов.

– А есть правила насчет выпивки и плавания под парусом? – спросил он, усаживаясь на камень.

Корделия тем временем аккуратно расстилала на песке большой ковер.

– Я принесла много воды. – Она улыбнулась и отпила шампанского. – И много еды. Это должно помочь справиться с алкоголем.

– Если нет, мы всегда можем провести ночь на пляже. Их взгляды встретились, и он улыбнулся ей. – Ты, должно быть, делала это миллион раз?

Лука знал, что он бесстыдно выуживает информацию, но хотел узнать о ней побольше, к чему обычно не был склонен, когда дело касается противоположного пола. Он давно обнаружил, что все женщины, с которыми он встречался, были в значительной степени одарены в искусстве говорить о себе. Задавать вопросы почти не было нужды.

– Ни разу, – задумчиво проговорила Корделия. – Хотя в окрестных бухтах частенько устраивают вечеринки во время летних каникул.

– Но ты на них не ходила?

Она отпила еще шампанского и поморщилась.

– Когда мне было двенадцать, один из моих друзей праздновал день рождения в бухте недалеко от этого места. Конечно, там были и взрослые. С тех пор я плавала сюда только одна. Эти бухты – мои собственные.

– Никаких безрассудных подростковых вечеринок с запретным алкоголем и разъяренными родителями, выслеживающими своенравных отпрысков, чтобы утащить их домой?

– Только не для меня.

– А почему бы и нет?

– Потому что...

Солнце палило всюду, но ковер укрывался в кружевной тени дерева, и легкий ветерок навевал приятную истомию. В какой-то момент Лука покинул камень и уселся рядом с ней на ковре, а потом лег, глядя в безоблачное голубое небо, и она последовала его примеру.

– Потому что мой отец был слишком заботливым. Моя мать погибла, когда я была еще ребенком. Я тебе уже говорила об этом, но после ее смерти как-то так получилось, что у отца развился безумный страх: если я уйду слишком далеко, то непременно случится что-то плохое. Конечно, в детстве я этого совсем не замечала, но чем старше становилась, тем явственнее понимала, что у меня нет такой же свободы, как у многих других подростков. А потом умер мой брат, и все стало еще хуже.

– У тебя был брат? Я даже не догадывался.

– И неудивительно. Отец никогда не говорит об Алексе. После того как тот умер, даже все его фотографии в рамках убрал. Алекс был моим близнецом.

Корделия вздрогнула, когда почувствовала, как Лука коснулся ее руки. Мысли ее оставались в прошлом, но ощущение было такое, словно электричество пробежало по телу. Это был их первый физический контакт, и тепло его пальцев оказалось таким приятным. Возбуждение всколыхнулось в ней, но она сказала себе, что это обычный жест соперечающего человека. Эквивалент дружеского объятия. А не чувственного, которое может закончиться страстным поцелуем. Но ей все равно нравилось его прикосновение.

– Твой близнец!

Лука приподнялся и склонился над ней, глядя участливо.

Корделия совладала с эмоциями, закрыв глаза. Пальцы Луки все еще касались ее, он был достаточно близко к ней, чтобы чувствовать его тепло, дыхание на щеке.

– Все изменилось после смерти Алекса, – сказала Корделия. – Я планировала поступить в университет, хотя и знала, что отец станет звонить по два раза в день, желая убедиться, все ли со мной в порядке. Я думаю, он всегда в глубине души считал, что должен был быть в состоянии защитить мою маму, что ему надо ехать с ней, когда она отправлялась в Лондон. Тогда она не попала бы под машину, и все было бы в порядке. Если он не смог защитить маму, то решил посвятить жизнь моей защите. Но пожертвовать университетом? – Она вздохнула. – Я поняла, что должна поступить. Алексу было суждено помогать

папе в рыболовном бизнесе и в конце концов взять его на себя. Это было все, чего он когда-либо хотел, в то время как я...

– В то время как ты?..

– Я мечтала уехать отсюда, посмотреть мир. И это было бы правильно для меня и моего отца. Но эти мечты умерли вместе с Алексом. У меня не было иного выбора, кроме как занять его место. Не пойми меня превратно, это не плохая жизнь, но там большой мир... И все-таки я смирилась с тем, что никогда его не увижу.

Корделия открыла глаза и обнаружила, что Лука смотрит на нее сверху вниз.

– Я не собираюсь изводить тебя плачем и причитаниями, – с улыбкой сказала она.

– Я не имею ничего против плачущей женщины, – солгал Лука.

Он был сыт по горло выходками бывших жен своего отца, обожавших разыгрывать эмоциональные драмы ради влияния на общественное мнение, когда брак начинал распадаться. Он мог припомнить один особо яркий пример, когда пышный прием по случаю празднования дня рождения его отца обернулся фарсом из-за пьяной выходки жены номер три, решившей пролить свет на все, что она ненавидела в мужчинах, и в особенности в его отце.

– Лжец. – Но на этот раз улыбка была более искренней. – Мужчины ненавидят женские слезы.

– Ты убедилась в этом на собственном опыте? Какой-то парень набросился на тебя, потому что ты плакала?

– Нет!

Корделия больше не могла сопротивляться желаниям, протянула руку и погладила его, чувствуя, что у нее дрожат пальцы. Это было потрясающе, так же дерзко, как если бы она показала стриптиз. Ее соски превратились в тугие чувствительные бутоны, тепло разлилось между бедрами.

Жаркое солнце, шампанское, откровения...

Смесь была пьянящей и взрывной.

– Никаких парней?

Лука взял Корделию за руку, повернул кисть и, не отводя взгляда, поцеловал ее ладонь, затем проложил нежный след языком на коже предплечья.

Корделия вздохнула и задрожала, разрываясь между необходимостью отстраниться и желанием пойти дальше, потому что они ступили на опасную территорию. Ценою решения могла стать сама ее жизнь, но искушение было непреодолимым.

У нее было чувство, будто она так долго смотрела сквозь стекло на мир, наполненный захватывающими возможностями, что шанс зайти за это стекло и на самом деле вкусить вожаделенные плоды невозможно было упустить.

Она пошевелилась, ее дыхание участилось, губы призывно приоткрылись.

– Я рассказала все о себе, – дрогнувшим голосом прошептала она. – Теперь твоя очередь.

А ведь ему придется скрыть истинное положение вещей. Именно эта мысль пронеслась в голове Луки, но он справился с мимолетным дискомфортом.

– Работа сезонная, поэтому можно позволить себе не торопиться. Немного задержаться здесь...

– Когда ты собираешься ехать?

Корделия обнаружила, что перспектива отъезда Луки заставляет ее чувствовать себя странно опустошенной.

– Есть более подходящие месяцы для сбора винограда... это правда...

– А что ты делаешь, когда не собираешь его? Путешествуешь? Навещаешь семью? С кем ты живешь в Италии?

– Слишком много вопросов, моя дорогая...

– Мне интересно побольше узнать о тебе. Не по своей воле я застряла здесь. Ты не можешь винить меня за то, что я задаю вопросы. – Она задумчиво посмотрела на него, представляя его мир, который так отличался от ее мира.

Может быть, Лука выполнял и другие, случайные работы, кроме сбора винограда, хотя она сомневалась в этом из-за его глубоких познаний в виноделии. Ему явно нравилось то, что он делал.

– Нет, винить не могу, – согласился Лука. – Но чувство вины – это не повод вести тебя за собой. Ты слишком молода, чтобы думать, будто застряла где-то и я единственная надежда на спасение. Просто выискивать разные места на карте и горевать, что никогда не посетишь ни одно из них.

– Ты знаком с моим отцом. И сам видел, что я не могу отправиться куда пожелаю...

Лука пожал плечами. Да, он встречался с Клайвом Рэмси, шестидесятилетним мужчиной с обветренным лицом, чья жизнь вращалась вокруг дочери и моря. Он рано потерял жену, они почти и не жили вместе. Просто еще один пример того, какое расточительство – любовь. Она вцепляется в тебя своими крючками, и с этого момента ты оказываешься на дороге в никуда. Лука изо всех сил пытался припомнить хоть один удачный пример всей этой сказочной дряни, которой посвящают сопливые фильмы.

По правде говоря, Клайв дома почти не появлялся. Рыболовецкий сезон был в самом разгаре, и он пропадал большую часть дней и ночей, траля крабов и омаров, поручив управление домом и своими делами дочери, и без Корделии ему явно не обойтись. Лука был уверен, что все сложилось бы по-другому, будь ее брат жив, но теперь, как она сказала ему, у нее не было другого выбора.

У Луки вдруг возникло непреодолимое желание увести ее и показать все эти далекие страны и города, о которых она мечтала.

– Мы слишком много говорим, – пробормотал он. – Давай просто наслаждаться жизнью здесь и сейчас.

Корделия улыбнулась, чувствуя, как от волнения у нее сжимается сердце. Она жаждала большего, чем просто наслаждаться моментом. Ее влекло к нему. Она знала, что и Лука испытывает подобные чувства, сколь бы невероятным это ни казалось.

– Никто никогда не приходит в эту бухту, – с волнением призналась она. – По крайней мере днем...

– Это восхитительно.

– Дело в том, что нужна лодка, чтобы добраться сюда. Бухта недоступна с суши. А далеко не у многих людей есть возможность взять лодку просто ради удовольствия.

– Тебе повезло.

– Я это чувствую. Прямо сейчас. Везение, я имею в виду... – задыхаясь, произнесла Корделия, повернулась на бок и придвинулась к Луке чуть ближе, как надеялась, на расстояние, едва заметное невооруженным глазом.

Она подавила волну нервной тошноты и легко провела рукой по коже его живота, наслаждаясь ощущением накаченных мышц под пальцами. Увидела удивление в его глазах и почувствовала искушение решиться на большее. Ей следовало убрать руку, но она не сделала этого, так как знала, что, если не воспользуется этим моментом, он никогда не повторится снова.

– Корделия... – сказал Лука шепотом, понимая, что должен был сделать, но не сделал, а именно удалиться от искушения. Он не смог удержаться от прикосновения к этой атласной, гладкой коже, хотя тревожные звоночки у него в голове звучали громче, чем церковные колокола в его местной деревенской церкви.

– Ты мне очень нравишься... – призналась девушка, отчаянно краснея, но не отводя глаз.

Лука застонал и крепко стиснул зубы, почувствовав сильнейшую эрекцию. Если бы он взглянул вниз, то не смог бы не заметить внушительную выпуклость под еще слегка влажными плавками. И Корделия тоже. Будь девушка более развязной, он бы легко отстранился, сколь бы привлекательной она ни была. Но ее невинность не оставляла выбора.

Корделия потянулась к его руке, и он почувствовал, как дрожат ее пальцы. Он услышал, как она что-то тихо сказала себе под нос, ее рука легла ему на грудь, а затем рискнула погладить его бедро. Недостаточно смелая, чтобы прикоснуться к тому, что явно нуждалось в прикосновении. Но это не имело значения, потому что то, что она делала, посылало его тело во взрывной овердрайв. Эти маленькие круговые движения ее пальца, нежные-нежные, заставили Луку задуматься, каково было бы почувствовать ее язык там, и вызвали еще один гортанный стон желания.

– Это... – Он изо всех сил старался говорить нормально. – Это не очень хорошая идея...

Она тут же убрала руку.

– Я ошиблась, извини. Я тебе не нравлюсь, понимаю.

Лука не мог ответить. Вместо этого он схватил ее руку и вернул к себе на бедро.

– Я никогда в жизни так не хотел женщину, – признался он дрогнувшим голосом. – Но...

– Но я думаю, тебя больше привлекают сексуальные темноволосые итальянки.

– Тебе нужно почаще смотреть в зеркало, моя красавица.

Он притянул Корделию к себе, обнял. Солнце, заливавшее все вокруг, словно мед, и невероятная синева моря заглушили все его мысли, гипнотизировали, заставляя желать только одного – ее.

Вместо ответа, Корделия уткнулась носом ему в шею, а затем осторожно накрыла его бедро своим. Она чувствовала пульсирующую эрекцию его

мужского естества, прижатого к ее животу, и отчаянно хотела положить на него руку, трогать его, ласкать, но сделать это не хватало смелости. У нее не было опыта в том, что касалось мужчин. Разве что неловкие приключения, не стоившие упоминания.

Она намеренно не избегала секса. У нее никогда не было пуританских идеалов, чтобы сохранять невинность как приз, который следует вручить нужному парню. У нее был только один полусерьезный поклонник, и они с ним еще не дошли до постели. Теперь Корделия знала почему. Она не испытывала возбуждения. У нее было самое смутное представление о том, что такое сексуальное влечение.

С Лукой все было по-другому. Сердце пропускало удары, пульс учащался, нервы звенели.

Корделия не могла описать, как сильно хотела его.

Глава 3

Она послушно откинулась назад, когда Лука легонько подтолкнул ее, чтобы мог, приподнявшись, смотреть на нее сверху вниз. Его дыхание было прерывистым и хриплым, глаза потемнели от страсти, а взгляд казался рассеянным, как будто он перенесся в другой мир.

Он провел рукой по ее бедру, а затем вверх до груди. Почти сухой купальник был раздражающим барьером между ними, и Корделии хотелось сорвать его с себя, но отсутствие опыта парализовало ее. Она боялась проявить инициативу и в то же время задавалась вопросом, не отпугнет ли Луку недостаток у нее уверенности в себе и умения вести чувственную игру.

Он был таким... сексуальным. Так невероятно, греховно неотразим.

Не нужно было позволять своему воображению забегать слишком далеко, дабы понять, что в жизни он не был лишен женского обожания, такое просто невозможно при его внешности. За последние несколько дней перед ней предстало яркое трехмерное изображение этого человека, которого невозможно

было рассмотреть в первые два дня после того, как она спасла его, когда он пребывал в полузабытьи.

Лука оказался остроумным, веселым собеседником и блестящим слушателем. Его рассказы рисовали перед ее мысленным взором картинки залитых ярким итальянским солнцем акров тщательно возделанных виноградников. Он мог удивительным образом, с вдохновением поэта описать цвет и текстуру зрелого сочного винограда. А его приключения, места, которые он посетил! Корделия могла предположить, что он тратил все заработки, которые получал, работая в винодельческой промышленности, на путешествия по миру, когда сезон сбора урожая подходил к концу.

Во всех отношениях его жизнь была окном в далекий мир, о котором она могла только мечтать.

И вот он здесь, с ней, и потребность иметь физическую близость с этим мужчиной, в полной мере наслаждаться этим моментом была ошеломляющей.

Корделия осторожно притянула его руку к своей груди и почувствовала, как Лука вздрогнул.

А когда он нерешительно попробовал высвободиться, она не позволила этого сделать, переполняемая чувством безрассудной отваги.

- Корделия, - простонал Лука. - Я уже сказал... это плохая идея.

- Почему? Если я нравлюсь тебе, а ты нравишься мне, почему это плохая идея?

- Миллион причин, - пробормотал он, ощущая ее тяжелую упругую грудь под своей рукой, а затем скользнул пальцем под лямку купальника, чтобы медленно стянуть ее вниз.

Веки Корделии затрепетали, она затаила дыхание и выгнулась, когда купальник был спущен. Она стонала, цепляясь за ковер пальцами. Чувствовала внутреннюю борьбу, но знала, что искушение сильнее голоса разума. Может быть, она и неопытна, но сексуальность ее проснулась. Она хотела его и ничего не могла поделать с собой, с переполняющей ее пьянящей силой.

Все в этом мужчине пробуждало в ней сильные чувственные порывы, и ей это нравилось.

Его губы тем временем обхватили ее сосок, и он провел языком по затвердевшему бутону и стал дразнить его, вызывая взрыв возбуждения, отозвавшегося приятным томлением между ее бедер, которое нарастало столь интенсивно, что ей пришлось сильно сжать ноги в попытке контролировать его.

Она отчаянно хотела, чтобы его рука была там, и, словно прочитав ее мысли, Лука просунул руку ей между ног и мягко прижал ладонь к преддверию лона.

Ее тело вело себя самым чудесным образом.

Не решаясь пойти дальше, Лука убрал руку, когда по его мускулистому бедру пробежала дрожь.

– Все мое время, – сказал он хрипло. Контролируя себя, продолжил ласкать ее правую грудь, а затем перешел к левой и омыл сосок языком.

Это было невыносимо. Корделия широко раздвинула ноги, и он тут же скользнул рукой под эластичную лайкру купальника, стал ритмично массировать ее там.

Когда дрожь удовольствия пробежала по ее телу, он убрал руку и принялся стягивать с нее купальник, продолжая тереть языком ее сосок и посасывать грудь. Корделия уже не могла ясно мыслить. Совсем не могла. Просто хотела, чтобы он был на ней и в ней, и как можно скорее.

Ее руки коснулись его плавков там, где под ними проступал заметный холмик.

Лука замер. У него оставалось еще достаточно здравого смысла, чтобы понять, что он не планировал заходить так далеко.

Он посмотрел на Корделию и обнаружил, что его либидо достигло таких высот, которых он никогда не мог предположить. Возможно, он долго постился, и все дело в этом, хотя девушка была привлекательной.

Пожалуй, даже больше, чем просто привлекательной.

И тут он понял, что это состояние обусловлено комбинацией причин, не в последнюю очередь тем, что он был далеко от привычной обстановки, далеко от атрибутов власти и богатства, которое всегда определяло его поступки, и вдали от людей, которые жили в этом разреженном мире. Здесь, в дивном уголке безлюдного рая, он был свободным человеком, и поэтому все чувства обострились до предела, включая магическую силу сексуального влечения.

Так много обязанностей ожидало его по возвращении, что свобода никогда не ощущалась слаще. И было это так удивительно, что он едва мог связать воедино две мысли, находясь сейчас рядом с женщиной.

Лука добрался до компьютера на четвертый день, когда отправился за покупками. Приобрести себе новую одежду взамен той, которую позаимствовал у ее отца. Он доехал до ближайшего города, зашел в интернет-кафе и погрузился в свою рабочую жизнь, но даже срочные электронные письма, бесконечные отчеты и выгодные сделки с зарубежными компаниями, требующие его внимания, никак не могли отвлечь его от словно наложенного на него заклинания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ketti-uilyams/spasennaya-lyubov>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)